

55-ЛЕТ ВЕЛИКОЙ ПОБЕДЫ

РОМАН В ПИСЬМАХ

Однажды в приемную ректора УрГУ пришло письмо в необычном конверте. Вместо марки — штамп «Письмо ветерана», слева на картинке — улыбающийся боец на фоне известного плаката «Дойдем до Берлина!». Юбилейная серия. Письмо было адресовано лично ректору и отправлено из Одессы Захарченко Лидией Ивановной.

— Уважаемый т. ректор, — писала Лидия Ивановна. — Прошу Вас оказать мне великое милосердие! ...Может быть, в конце жизни мне повезет. Еще со школы у меня был друг — изумительный, талантливый человек Ефим Абрамович Гройсер, 1920 года рождения, одессит. В 1941 году он закончил четыре курса физико-математического факультета Одесского университета, а потом началась война. ...Одесский университет эвакуировался в Свердловск. Только в начале 1943 года я получила от него первое письмо. В нем он описывает, как тяжело было одесситам зимой в Свердловске — голодные, раздетые...

Зимой 1941-го с группой УФАНа он уехал в Нижний Тагил на завод № 63, о котором пишет с восторгом... Потом военное училище и фронт.

...А в марте 1944 года пришло письмо от командира части: «Ваш друг был ранен в обе ноги под Жлобиным и отправлен в госпиталь».

Не верю, что он погиб! Это несправедливо! Мои поиски ни к чему не привели. И вот теперь, в сотый раз перечитывая его письма, я подумала: а вдруг после ранения он уехал в Свердловск заканчивать университет?! Или в Нижний Тагил на завод № 63? Остался без ног? Ну так что же!

Помогите мне. Может, в отделе кадров университета остался какой-нибудь след?

Простите за беспокойство.

Л.И. Захарченко
5.11.1995 г.

Поисками занялась заведующая музеем Уральского университета Валерия Анатольевна Мазур. Но ни в университетском архиве, ни в справочном бюро Екатеринбурга и Свердловской области каких-либо следов пребывания Е.А. Гройсера обнаружить не удалось. Зато с Лидией Ивановной Захарченко завязалась длительная переписка, в результате которой музей УрГУ стал обладателем бесценных документов — писем студента, впоследствии старшего лейтенанта Ефима Гройсера своей однокласснице Лиде Захарченко. За год с небольшим она получила их более семидесяти! В дополнение к письмам Лидия Ивановна по просьбе В.А. Мазур написала небольшие воспоминания об их школьно-студенческой компании — штрихи к портрету времени и тех, по чьим судьбам жестоко прошла война.

Как больно о них вспоминать!

В нашем классе было 40 человек, из них русских, вернее украинцев, — всего двое: я и Леночка Загоруйко. В десятом классе, правда, пришел еще Ваня Карпов, чемпион Советского Союза по стрельбе, что нам очень импонировало. Так что не удивляйтесь обилию еврейских имен в моем повествовании.

Ядром нашей компании было пятеро самых способных ребят: Фима Гройсер, его лучший друг Костя Авербух, Фима Моносов, Иосия Куцин и всеми любимый друг Фимы Гройсера из соседнего класса — Гуня (Григорий) Вестель.

С Фимой Гройсером я подружилась сразу же и на всю жизнь. Это была великая дружба, ее ни с чем не сравнить. Два товарища? Нет! Парень с девушкой? Нет! Это была обоюдная крепкая привязанность до самых тайников души. Сидела я на одной парте с Костей — самым замечательным мальчиком в классе. Все девчонки были влюблены в него. А он каждый раз наклонялся и целовал мои руки — я удивленно на него поглядывала, но он молчал. Когда мы с военруком ходили на стрельбища в парк Шевченко, Костя как-то очень просто подхватывал меня на руки и переносил через овраги, тоже молча. Фима спрашивал, почему я ему ничего не рассказываю о Косте, а я отвечала, что знаю о нем столько же, сколько все остальные. В 9-м классе, когда мы катались на лодке, Костя сказал, что любит меня. «Будешь моей женой?» — «Буду!» Но когда он попросил ради него бросить дружбу с Фимой, ответила, что этого не будет. Однажды бедный Костя попытался меня поцеловать на лестнице, но получил такой отпор, что еле устоял на ногах. Нет, не Костя, а Фима был единственным, кому разрешалось меня поцеловать

в лоб, да и то не больше, чем один раз за одну встречу. Он же, Фима, был единственным, кому разрешалось приходить ко мне поздним вечером, если у меня горел свет. И он приходил после уроков, которыми зарабатывал, чтобы помочь семье, так как, кроме мамы и сестренки, с ними жили три маминых сестры и племянница, а работал один отец, и семья сильно нуждалась.

Приходил уставший, с покрасневшими от недосыпания глазами, и начинались у нас задушевные разговоры до часу, до двух ночи. Я оставляла на это время какую-нибудь работу, которая не мешала беседе, в основном это были чертежи, хотя очень хотелось прижать к себе эту умную голову, поцеловать его чудесные глаза... Но все, что мы могли себе позволить, — один поцелуй в лоб, и не больше!

После окончания школы оба Фимы — Гройсер и Моносов — и Костя поступили в университет на физмат, а я в строительный институт. Однажды Фиме понадобилась характеристика в райком комсомола, и написать ее должен был Костя, который в университете стал секретарем комсомольской организации. Когда Фима дал мне ее почитать, я решила, что это написал он сам. «Да ты что! — возмутился Фима. — Представь, это написал Костя!» У них были до удивления похожие почерки. Молодец Костя!

Однажды, встретив меня, он сказал: «Мне предлагают перевестись в академию им. Фрунзе. Ты ничего не хочешь сказать мне?» — «Ничего», — ответила я и всю ночь провела. Во время войны Костю видели в Ташкенте в форме старшего лейтенанта — он ехал на фронт, и кажется, был в Днепровской флотилии. Спустя несколько лет после

войны муж, с большим уважением относившийся к моим друзьям, неожиданно сказал: «Я узнал: твой Костя попал под Киевом в плен и был заживо похоронен вместе с другими моряками в Киевском “Бабьем Яру”».

Трагически сложилась судьба еще одного члена К^о — Иосифа Куцина. Высокий, с волнистыми волосами и огромными серыми глазами, окаймленными такими длинными и густыми ресницами, что, казалось, из-за них ему ничего не видно, он страдал пороком сердца и погиб во время оккупации Одессы вместе со всей семьей.

Гуня Вестель. Удивительно, как трогательно любил его Фима! В своих письмах он все время просил меня разыскать его. А когда мне удалось найти его мать и он узнал, что она очень нуждается, то немедленно выслал ей 1,5 тысячи рублей, в то время это были немалые деньги. Затем нашелся и сам Гунька. В 1937 году, когда его отца арестовали, он вынужден был оставить институт и поступить работать на птицефабрику. Однажды в день моего рождения он явился и вытащил из кармана пятерых крошечных цыплят, завернутых в носовой платок! Моя любовь к братьям нашим меньшим ни для кого не была секретом, а об этих цыплятах можно написать чудесный рассказ.

В армию Гуньку не взяли, он закончил с отличием политехнический институт в Казани, работал главным инженером на военном заводе, женился, создав образцово-показательную семью и писал Фиме на фронт дурашливые письма, которые тот пересылал мне, а я устраивала Гуньке головомойку.

Вообще нашу компанию невозможно представить без шуток, «подначек», острот и прославленного одесского юмора. За удачную остро-ту каждому полагалось по пять ко-

пеек или по огромному леденцу. Все обожали свою 48-ю школу и горячо любили веселую Одессу.

Не менее замечательна женская часть нашей компании.

В письмах Фимы часто упоминается имя Фридошки Фурман. Я познакомилась с ней на рабфаке. Однажды услышала удивительный хохот в соседней аудитории. Так смеяться могут только очень хорошие люди — звенели колокольчики! Бросилась туда и увидела очаровательную девушку. В тот же день я привела Фридошку в нашу компанию. Она сразу всем понравилась: изумительное чувство юмора, хорошая реакция на шутку, любовь к литературе и блестящее умение читать вслух. Сколько раз мы потом вспоминали, как Фридошка читала нам вслух «Сирано де Бержерака» Ростана!

Покидая Одессу, мой отец зашел к Фурманам, чтобы взять Фриду с собой, но ее не пустили, а когда она все-таки прибежала в порт, то ничего не нашла.

Фридошка была чудесным товарищем. Пока в Одессу еще доходили письма, мы все, разбросанные по городам и весям, писали ей, и она связывала нас друг с другом. Вся их семья погибла. Погиб в Свердловске во время войны и Фима Моносов, нелепо попав под трамвай. Он очень любил Фридошку.

Там же, на рабфаке, я познакомилась и с Лёлей Галлерман. Это была святая девушка, нежная, красивая, музыкальная, а главное — очень добрая и наивная. Компания ее приняла и сразу полюбила, оберегая от наших, порой излишне язвительных шуток. Её отец в прошлом был профессиональным революционером, рано умер от туберкулеза, оставив очень красивую, всегда сильно нуждавшуюся вдову с тремя детьми.

Лидия Ивановна Захарченко (1943)

После окончания школы Лёлочка уехала к родственникам в Москву, поступила на истфак университета, а во время войны одновременно работала в детском садике, где, как писал Фима, «воспитывала детей по своему образу и подобию», то есть в непротивлении злу. Этим ее качеством всю жизнь пользовались разные проходимцы — обирали и обманывали, она всегда жила трудно и бедствовала.

Её родные — мама, младшая сестра и брат Марик — попали в гетто, откуда Марик бежал, скрывался, а при отступлении фашистов был угнан в Германию. Вернувшись после войны на Родину, он был отправлен на золотые прииски. Сколько сил приложила Лёлочка, вызволяя его оттуда!

Аннушка Ивио-Лебединская была студенткой биофака («биолух!»), девушка с фигурой Венеры. «В ней явно что-то венерическое!», — замечали наши острословы. Но

для нее все это было неважно. Главное, что Аннушка была племянницей революционера, чью обаятельную личность вывел в своей «Повести о семи повешенных» писатель Леонид Андреев. Ее мама, Ольга Андреевна, родная сестра этого героя, видимо, унаследовала фамильную смелость и мужество. При немцах она открыла «Салон мод».

...Огромная комната перегорожена громадным буфетом, в одном из его отделений вынуты полки, там прячется отец Аннушки — еврей. А его жена, когда-то первая красавица, восседает в огромном кресле (у нее аристократические манеры, сигарета в зубах) и, мешая русские слова с французскими, рекомендует дамам последние модели, полученные из Парижа.

Но вот прием окончен, и все преображается. Аннушка работает в организации «За вільну Україну», ее младшая сестра Ириша связана с партизанским подпольем в Одесских катакомбах. В доме смех, Ольга Андреевна очень удачно копирует своих клиенток, все много читают и спорят без конца...

Аннушка бредила своим героическим дядей, отличалась экзотическим поведением. Напускала на себя грубость, спала, подражая Рахметову, на гвоздях, летом брила голову наголо. Однажды я пришла к ней с веслами: «Пошли в море!». Смотрю, а она привязана огромным бельевым канатом к дереву. «Кто это тебя?! Дай, развяжу!» — «Не смей! Я сама должна развязаться!». Это было очередное испытание воли. По недоразумению и собственной глупости Аннушка была арестована, сослана в Магадан и даже наши отцы — бывшие политкаторжане — не могли ее вызволить из советской каторги.

Летом вся наша компания, как правило, околачивалась на даче быв-

ших политкаторжан на 11-й станции Большого Фонтана, где у моего отца была лодка. Он частенько брал наших мальчишек на рыбалку, а они в нем души не чаяли: легендарная личность, один из руководителей восстания лейтенанта Шмидта на крейсере «Очаков», участник московского восстания на Красной Пресне! На баррикадах Красной Пресни он и был арестован, отправлен в Севастополь, дважды бежал из тюрьмы, пойман и осужден на 15 лет каторги, из которых отбыл 12. Недаром Фима Гройсер даже с фронта писал письма моему отцу, Ивану Григорьевичу...

С Дусей Роговой, также дочерью известного одесского революционера-железнодорожника и бывшего политкаторжанина, мы дружили с десяти лет. Но если я всегда водилась с мальчишками и была единственной девочкой в школе, носившей значок «Ворошиловский стрелок», то Дуся в сторону мальчиков и не смотрела. Это была великая спорщица всегда и по любому поводу. Она писала довольно нудный, с моей точки зрения, дневник, наполненный рассуждениями о поисках какой-то истины, и решила послать его Макаренко. Писатель ответил ей стереотипным советом читать классиков, но гамлетовских вопросов не разрешил, чем Дусю очень огорчил.

Однажды, как всегда, после уроков ко мне приходит Фима Гройсер и спрашивает, давно ли я видела Дусю. Я, говорит, встретил сегодня эту дуру и чуть не умер от смеха: она побрила голову и носит открытую панамку, «чтобы кожа дышала»! Она, кажется, ждет жениха?

Я, конечно, бросилась к Дусе. Меня встретила ее мама, страшно расстроенная: «Ты когда-нибудь видела бритую невесту?!». Дусин роман заслуживает отдельного рассказа. Это была любовь с первого взгляда, когда Дуся училась еще в восьмом классе,

Ефим Абрамович Гройсер (1941)

а ее будущий муж был студентом четвертого курса Московского института им. Баумана. Дуся была очень хороша: огромные голубые глаза в черных ресницах, стрелки бровей, светлые косы. И вот от них остались одни воспоминания!

Свадьба была сверхскромная. Я смотрела на жениха и видела в его глазах горячую преданную любовь. Похоже, ему понравился «выбrik» Дуси. И я подумала, что она, пожалуй, была права, спокойно отвечая на мою ругань: «Если любит, возьмет и такую».

Дуся уехала с мужем в Москву, поступила в университет, в 1940-м у нее родилась Галка. Когда немцы подходили к Москве, она вместе со свекровью и ребенком эвакуировалась в Среднюю Азию, еще не зная, что муж погиб на фронте...

Моя старинная подружка и сейчас остается все такой же неутомимой спорщицей с ужасным характером

ром. Вот и сегодня, 24 марта, поминали мы Фимушку Гройсера, а расстались со скандалом. Но встретимся, как обычно, друзьями.

После того как я получила справку о том, что Фима действительно умер от ран в госпитале 24 марта 1944 года, непрестанно гложет мысль, что он погиб из-за меня. Вновь и вновь перечитываю запись, сделанную им еще до того, как мы нашли друг друга.

...В апреле 1941 года к нам на факультет пришли представители НКВД, предложили студентам досрочно сдать экзамены и поехать на строительство какого-то уникального аэродрома. Фридошка тогда перенесла тяжелую операцию, экзамены не сдавала и осталась в Одессе, а я поехала.

Там я и увидела фронт 1941—42 годов. Фронт, который «бежал». Немец шел на Сталинград, а наше полевое строительство, вооруженное лопатами, было на его пути. Я видела, как десятки самолетов выбрасывали десант в нашем тылу, и парашютисты, начиная стрелять еще в воздухе, шли на соединение с фронтом. Я видела, как самолеты-рамы высаживали десант танкеток, заведенных уже в воздухе и идущих на помощь своим парашютистам. Четыре раза мы попадали в полное окружение! Обмороженные, кровоточащие ноги, а на полях уже лежит снег... Так я пробиравась в Чкаловскую область, в село Матвеевка. Весной — поступление в Куйбышевский институт, документы об окончании трех курсов утеряны, да и факультета моего нет, меня берут под честное слово, за год сдаю экзамены за два курса, замерзая в нетоп-

ленном городе, и поступаю с условием: одна «двойка» — и вон из института. Но у меня не было ни одной «тройки»...

И вот я перечитываю запись моего друга, сделанную им в Свердловске 20 мая 1942 года в минуты глубокого раздумья: заканчивать университет или идти на фронт. Стоя перед этим непростым выбором, он пытается представить, что посоветовали бы ему друзья и родные. «...Мама моя заплакала б, папа — нет... и с болью, большой болью в душе отпустили бы. Фрида: поволновалась бы, пожалела о нашем расставании. Лида: согласилась бы со мной и благословила бы мой уход в армию».

Он был прав! Тогда я думала именно так, и мой наказ был бы самым суровым: воевать, защищать Родину. Мы были патриотами, увлекались декабристами, народовольцами, Софья Перовская была нашим идеалом. Мы все были дети своих отцов — профессиональных революционеров.

Теперь я думаю иначе. Нельзя было брать на фронт таких ребят. Мало было приказа Сталина вернуть к учебе студентов старших курсов (после того как многие из них уже погибли) — не надо было их отправлять на фронт! Насколько больше пользы принес бы талантливый человек здесь, в тылу!

И это, пожалуй, самая существенная перемена в образе моих мыслей, произошедшая за долгую жизнь. В остальном я осталась в душе той же Лидой, которую он любил ...

*Л.И. Захарченко
г. Одесса*

«ОСТАВАТЬСЯ В ТЫЛУ НЕ СООТВЕТСТВУЕТ МОЕЙ СОВЕСТИ»

(Письма с фронта)

20.1.43 года, г. Ирбит (слыхала ты о таком городе?)

Дорогая Лидочка, здравствуй! Сегодня для меня большой праздник. Нашлась Лида, мой лучший друг, о которой я мог только беспокоиться и строить различные предположения в течение 1,5 лет.

Лидочка! Если бы ты знала, какое я испытывал чувство, узнав, что письмо от тебя. Это трудно передать на бумаге. Я хотел танцевать, я улыбался без причины (для других), я поделился с 3—4 товарищами моей радостью, сердце мое радостно прыгало.

...Итак, начну свое повествование.

24 июля 1941 года. (Как это было давно-давно, даже вспоминать странно.) Предвечер. Кто-то из студентов-сокурсников встречает меня и сообщает, что завтра — 25-го — нам выходить: кому в училища, кому в ВВА и т.д. Надо передать Фиме М[оносову] о выходе. Где он, не знаю, его родные за городом. Чаше всего его видела тогда Фрида. Побегал к ней, попросил передать Фиме, но — слово за слово, не могли расстаться. Ушел домой, кажется, около двух часов ночи. Сообщил о выходе всем собравшимся.

Приготовили мне вещевой мешок, немного белья. Портфель набил конфетами, захватил с собой фотокарточки (которые приносят мне сейчас столько отрады)... Ночь проспал со всеми в погребке. Как сейчас у меня перед глазами картина: в кухне папа, мама, Аничка, Марочка, тети. Я надеваю вещевой мешок, в руки беру портфель. На душе у всех невесело, в глазах слезы. У меня тоже. Сердитым голосом гово-

рю, чтобы не плакали, ибо сразу же уйду (дурак!!!). Целуюсь со всеми (как жалко, что так мало), выхожу. Они стоят у ворот. Поворачиваю по ул. Ленина... В университете все в сборе, раздают продукты. Нас 41 человек. Нас провожают дождь и воздушная тревога.

Путь из Одессы до Николаева совершаю пешком. Из Николаева — по жел. дороге. Маршрут был следующим: Николаев — Днепропетровск — Москва — Свердловок — Златоуст — Челябинск. Точка. Там я попал в ЗСП (запасной стрелковый полк). Был в пулеметной роте ...но меня перевели в группу переводчиков немецкого языка...

Большой радостью было для меня письмо от Фимы Моносова. Началась двусторонняя переписка, а то раньше писал только я во все концы, а ответов не было. От Фимы я начал получать Фридины письма, адресованные мне. Фрида писала, не зная, получит ли ответ. От нее получал дорогие мне известия о родных, о жизни Одессы.

...14 октября 41 года нас, группу студентов, вызвали в штаб и сообщили, что на основании приказа т. Сталина студентов последних курсов вузов отпускают кончать учебу. В Свердловском гос. университете встречаюсь с Фимой Моносовым и другими студентами (бывшими) ОГУ. Веду студенческий образ жизни, однако мысли не очень веселые, все время давит тяжесть, настроение мрачное. Ничего о родных не знаю. Образ жизни, ничем не оправдываемый в военное время, ребята устраиваются на работу, заботятся о броне, утверждают, что более полез-

ны будут на заводе в качестве специалистов, чем на фронте. Я с ними не согласен. Однако мягкая постель и т.п. в тылу действуют демобилизующе. Оставаться в тылу не соответствует моей совести.

11 июля 1942 года подаю заявление с просьбой направить меня в действующую армию. Ходатайствую в военкомате и на заводе, где в то время работал. Мою просьбу удовлетворяют, но частично: посылают в часть, оттуда — в артиллерийское училище. ...Через месяц, не позже я — красный офицер и буду удовлетворен, надеюсь, что пошлют сразу на фронт. Сводки Совинформбюро замечательные, восхитительные. Карта военных действий радует глаз. Надеюсь попасть на Украину...

23.1. 43 года, г. Ирбит.

Здравствуй, дорогая Лидочка! Здравствуйте, уважаемые Иван Григорьевич и Этель Львовна! Здравствуй, дорогая Мартышка [Марта — младшая сестра Л.И. Захарченко], от которой частенько страдал мой нос! К сожалению, не могу побеседовать с вами, сидя у вас в гостях в любимом углу на кушетке, надо ограничиться письмом.

...Лидочка! Все еще не верится, что имею возможность с тобой поговорить, так долго об этом мечтал, что не верится, что эта возможность появилась... О твоём письме. Лидочка, слишком много в нем пессимизма. Да, много мы потеряли, но «надежду потерять — все потерять», как говорит Гете. Мы постарели душой. У меня лично душа, мне кажется, седая. Но, кроме горя, в нашей душе и в сердце остается место для ненависти к разрушителям нашего счастья, остается место для жизненных сил и борьбы. Возьмем пример с Кола Брюньона с его чудесным оптимизмом. Я вспоминаю слова из песни одного коммуниста-хорвата

из прочитанного мною рассказа. Он в тюрьме и на своей казни пел: «Геть скуку! Пусть скучает лошадь!...»

Лидочка! Ты спрашиваешь, осталось ли в моей душе место для старой дружбы? А что осталось у меня другого, кроме нее, кроме дорогого мне друга — тебя? Да, я с тобой согласен, мы стали намного суровее. Но разве эта суровость может относиться к друзьям? Ведь мысли наши только и вращаются вокруг родных, друзей и мести за них...

2.02.43 года

Здравствуй, дорогая Лидочка! Давно я с тобой не беседовал... Правда, и возможности нет придти к тебе домой и поделиться своими думами. А как этого хочется! Особенно этого хотелось вчера вечером. Прийти, как обычно, в 11 часов или позже, после урока, сесть на стул рядом с тобой, склонившейся над чертежом какого-то проекта, либо на кушетке и повести задушевную беседу. С тобой я мог делиться больше, чем с кем-нибудь другим. Мы хорошо понимали друг друга, не правда ли?

Вчера вечером не было света. <...> Скучно, грустно стало, хотелось бежать от себя. В Одессе я в таких случаях бежал к ребятам, к тебе. Вероятно, это настроение, которое весьма понятно, усугубилось письмом от Лёлечки, полученным вчера. Письмо грустное-грустное. Потеряла надежду видеть своих родных (они остались в Одессе, это уже точно), поделиться не с кем. Я ее очень хорошо понимаю. Лёлечка пишет, что сидит, просматривает фотокарточки, а слезы так и каплют из глаз. Когда ты будешь ей писать, Лидочка, подбери побольше шуток и смеха, даже нашего одесского злого смеха. Бодрое письмо, больше надежды, оптимизма.

...На днях экзамены. Подготовка идет полным ходом, времени очень мало. ...Позавчера на сон мог уделить только 1,5 часа. Но у меня постоянный принцип еще из Одессы: высыпаться можно будет после смерти, там никто не помешает. А пока можно и недосыпать. В Одессе я много недосыпал, и здесь иногда приходится. Но это ерунда. Итак, на днях госэкзамены. Через 2—3 дня — стрельбы, которые проводят не все, а только выделенные специально курсанты. Мне попало такое ответственное дело — придется не подкачать. Вообще интересно стрелять, быть на боевой позиции, и этого интереса у нас достаточно впереди — на фронте. Там тоже постараемся не подкачать! Лидочка, я тебе буду присылать свой счет мщения за моих дорогих родных, за друзей, за Одессу, за нашу землю и наш народ. Я тебя заранее благодарю за все твои пожелания мне быть здоровым и иметь хороший счет...

13.02.43 года

Здравствуй, дорогой друг, милая Лидочка!

...Последние дни сдавали экзамены. Материалу много, а времени на повторение мало. По ночам мне приходилось оформлять документы оканчивающих. За неделю я спал не более 20 часов. Теперь я — лейтенант. Артиллерия, надо признаться, мне понравилась, и овладел я ею на отлично. Из нашего взвода годовую отметку «отлично» получили всего три человека: двое работавших до этого в артиллерии и я. Перед экзаменами были проведены боевые показательные стрельбы. Решили показать и стрельбу с рикошета. Это интересный, эффектный вид стрельбы. Мало кто стрелял на рикошетах из наших — из батареи всего три человека, в том числе и я. Подготовка данных и стрельба моя была оценена генералом на «отлично»...

Однако я порядочно нахвастался. Хватит.

Куда поедем, пока не известно. Ждем назначения. Очень хочу на Южный Фронт, но охотно поеду и на другой. Так что по этому адресу больше не пиши. <...>

Только что получил две фотокарточки, одну посылаю тебе. Правда, довольно неудачная, но ты мою красоту хорошо знаешь, и я скромничать не буду — пошлю.

Лидочка! Пока кончаю. Горячий привет твоим родным, Мартышке.

Целую тебя. *Фима*

18. 03.43 года

Никому не написал еще и одного письма, а тебе — уже второе. Очень хочется с тобой поговорить, а как беру перо — сразу все мысли в стороны. Дорогая Лидочка. Я только что прочел повесть Геннадия Фиша «Контрудар» («Знамя». № 12). Какие там люди! Опять стыдно перед ними, перед собой, что все еще не на фронте. Я страшусь мысли, что не попаду туда. Этого не будет, но скорее бы! Лидочка! Работаю вовсю, но настоящая работа на фронте. Там покажем, хорошо ли мы поработали с людьми здесь... А на Украине положение снова серьезное. Не хочется отдавать Украину! Ой, як не хочется! <...>

Лидочка. О личном. Хотя это не правильно так выражаться, сейчас личное — это фронт. Там наши личные интересы и интересы общественные. Я спрашиваю себя с глубочайшей тоской: неужели не увижу я дорогих маму, папу, Аничку, которым я стольким обязан и которых тоже хотел видеть счастливыми. Ах, сволочи немцы, большой счет к вам имеет русский народ! <...> Ну скажи, моя дорогая Лидочка, разве можно думать о своей одной жизни? Да, она кое-чего стоит, но разве ее можно охранять, когда

речь идет о радости многих? Я пишу то, что у меня на душе. Ты меня пойми. Я уверен, что понимаешь. Кто-то, а ты меня понимаешь. А то смешно и неприятно читать о предложении какой-то любви и прочей ерунды в письмах Софы. Ничего не понимаю, что она пишет?! Не хочется терять связи с землячкой, но как жаль, что она не меняется. Война ее ничему не научила. Возможно, она ничего не потеряла. Я не желаю ей потерь, но научиться чему-нибудь она должна была б. А ей все в любовь играть!

Лидочка, ничего не знаю о своих, о Фриде, Гите, Косте, Иосе, Олеге. Может, ты что-нибудь узнала о них?..

6.04.43 года

...На фронт еще не попал, но надеюсь до 1 мая быть уже там. Надоело. Работы чертовски много, но она однообразная. Для моей беспокойной души это мучение.

Работаю я лейтенантом, готовлю свой взвод к боям. Внешний мой облик (ты бы меня не узнала!) — военная форма: справа — пистолет, слева — шашка. На шинели два квадратика. Загорел (от воздуха, ветра), как будто недельку был на пляже в Одессе.

Внутренний мой облик все тот же. Тот же Фима, сильно привязывающийся к своим друзьям, немного идеалист, но не без практицизма. <...>

О своей работе (что можно). Работа интересная. Имеешь дело с людьми, обучаешь их военной специальности. Воспитываешь их в духе политическом, общественном. Много занимаюсь комсомольской работой: я избран комсоргом батареи. Часто не заходишь домой по двое суток. Да что говорить о моей жизни? Она пока не очень богата событиями. Дальше будет погорячее. <...>

..Помнишь нашу последнюю встречу у тебя дома в 12 часов, когда ты низким голосом (от бетонной пыли), загоревшая, говорила о своей работе, о трудностях? Я рассказывал об истребительном батальоне. Но это снова о прошлом...

Лидочка! У меня к тебе просьба. Пиши время от времени в Бугуруслан, в справочное бюро, узнавай о моих родных, о Гите, о Гуне, Фриде, Иосифе, Олеге. ...Пиши, как вы живете в отношении материальном. На фронте моя зарплата, я думаю, мне не будет нужна.

Целую (спроси твоих родных, не запрещают ли).

Остаюсь по-прежнему искренним другом. *Фима*

8.04. 43 года

...Лидочка! Писал ли я тебе о своей работе на заводе? Ты себе не представляешь, как интересна физика на заводе. Ведь я кончил СГУ по специальности «физик-магнитолог». Будучи в Нижнем Тагиле, мне довелось увидеть пользу физики, самую практическую. Мы устанавливали магнитные дефектоскопы — приборы, обнаруживающие трещины в металле, невидимые простым глазом. Это очень эффектная штука... Вот после войны займусь физикой производственной...

11.05.43 года

...Чудная (а не чудная) моя, как много хочется сказать, и как мало говорится. Да, Лидочка, сколько нам надо было бы времени, чтобы наговориться! Помнишь, хоть мы и делились ежедневно, а иногда хватало у нас терпения (и желания) болтать до часу ночи. Помнишь, Лидочка, эти вечера, когда я приходил после уроков и засиживался у тебя допоздна, а ты чертила свои проекты...

Я уж было отчаялся, что нет мне ни от кого писем, но твое письмо

вернуло мне бодрость духа. Лидочка, если бы ты знала, что твое письмо для меня как «луч солнца в темном царстве». Мне так надоело сидеть на одном месте, что я боюсь, как бы не вышло неприятности. Правда, обещают, что вот-вот поедем; характер у меня строптивый, часто делаю то, что не положено, рискуя получить домашний арест. Но черт с этим! Скорее бы, скорее бы!..

9.06.43 года

... 23 мая я выехал из дер. Митино, где находился ранее. В Митино познакомился с одной девушкой, благодаря которой жизнь моя была не так скучна и однообразна. Было с кем поделиться настроением, воспоминаниями о прошлом и о дорогих друзьях, рассказать о неполадках на работе.

Лидочка, я помню, как мы однажды с тобой договорились знакомить один другого с новыми друзьями. Ты видишь, я этого придерживаюсь. Не потому, что я формально считаю себя обязанным это сделать, а потому, что тебя я считаю своим старым и лучшим другом. Продолжаю о своей знакомой. Итак, я нарушил ее покой. До меня она жила спокойной, уравновешенной жизнью преподавателя географии, завуча школы... Я же внес бурю в ее жизнь, нарушил порядок. Честное слово, не могу догадаться, почему я ей понравился больше, чем мои товарищи (а многие статнее, интереснее меня). Во всяком случае, мой отъезд она прочувствовала глубоко... Лидочка! Хочешь — напиши ей, спроси обо мне...

16.06.43 года

Утро. 4 часа. Совсем светло. Прохладно, и немного поеживаешься. Спать не хочется, хотя эту ночь не смыкал глаз: я дежурю — начальник полевого караула. <...> Сажу в караульном помещении. Это — дот. Бойцы отдыхают. Настроение хоро-

шее. Неприятностей пока нет. Кроме того, только что командирам выдали дополнительный паек: сливочное масло, консервы, печенье, табак, спички. А тебе ведь известно, что «бытие определяет сознание». А такие пайки — бытие неплохое. Ты спросишь: а конфеты? Передо мной выбор: 300 г. конфет в месяц или 800 г. табака. Я, несмотря на мою любовь к конфетам, выбрал табак. Хотя я не курю, но догадываюсь, что без курева настроение не то. Так что когда у бойцов моего взвода кончается махорка раньше очередной выдачи, я их поддерживаю табаком. Мой взвод не страдает от отсутствия курева, и мне это приятнее 300 г. конфет.

Вообще работа с людьми — интересная. Правда, бывают и неприятности, особенно с начальством, вследствие моей строптивости и полного отсутствия желания сделать себе карьеру. <...> Надо воспитывать бойцов (хотя я у себя во взводе самый молодой. Есть у меня трое, у которых сыновья старше меня, один из них показывал мне свой Георгиевский крест). Чувствую и их заботу обо мне. Дисциплина хорошая. Это доставляет мне большое удовольствие.

В свободное время (а это понятие почти отсутствует в армии) пишу письма, аккуратно читаю газеты и даже книги. С собой я захватил томики Пушкина и Чехова. <...>

У Лёли неприятность. Погиб ее дво(тро)юродный брат — мой ученик по математике (я вел его три года: 8, 9, 10 классы). Жаль, очень жаль. Хороший парнишка. Воевал под Севастополем. Погиб от осколка мины. Эх! А вся его жизнь была впереди.

17.06.43 года

...Скоро 22 июня. На фронте затишье. Это затишье перед бурей. Кто продвинется вперед в этой буре?

Кто лучше к ней подготовится. Это покажут ближайшие дни. Надеюсь, что наши. Хочу быть в рядах действующей в эти дни бури...

9.07.43 года

Лес в N-ской местности. Благодаря своим скудным познаниям по географии, я не могу точно определить, в какой области мы находимся, однако ближе к фронту, чем до сих пор. Нахожусь на местности, ранее занятой немцами. Видны раны, нанесенные этими гадами нашей земле: изуродованные деревья, голые трубы, уведенный скот, надругательство над жителями. Все это вызывает неукротимую ненависть. Да, Лидочка! Я в буре нахожу покой. Остановка, застой для меня мучительны.

У меня две машины и две гаубицы с расчетами. В пути был старшим машины. Самочувствие было превосходное. Своими людьми и техникой очень доволен. Думаю, что некоторую пользу Родине принесем.

5.08.43 года

Привет с фронта, дорогая Лидочка!

...Итак, я жив, здоров и бодр. Увеличиваю свой счет мести. Однако и здесь иногда приходится скучать. Как стреляем — это для меня отдых. Как отдыхаем — это для меня скука. Времени свободного очень мало. Беллетристику читать уже не приходится. Читаю газеты и письма, письма для меня — наибольшая радость. От Лёлечки после долгого перерыва получил вчера письмо, от Гриши Красного — открытку. Безусловно, славный парень. Недавно во время боя написал пару открыток по несколько слов. Спешил, ибо почтальон ждал тут же, у орудий. Однако он так и не отправил письма: вероятно, по дороге был убит. Лидочка! Написала ли ты Гу-

ниной маме? Я сейчас напишу. Как хочется, чтобы Гунька был жив, встретиться с ним. <...>

Крепко тебя целую, твой неизменный и надоедливый друг

Фима

27.08.43 года

Помылся, побрился, не одел галстука, не почистил туфель и могу навестить тебя. Итак, здравствуй, друг мой, дорогая Лидочка! Только что «приземлили» несколько фрицев и сейчас перерыв. Лидочка, каково мое настроение, тебе должно быть понятно. В настоящее время лучшего я желать не могу. Моральное состояние мое — прекрасное. Чувство исполненного долга — уничтожение заклятых варваров — это приятное и целебное для души чувство.

Лидочка, мне пришлось быть во многих местах, где находился немец. Много ужаса они натворили... Зарево пожарищ освещает наш путь. Это немец жжет все за собой. Редко, очень редко останется в деревне одна хата целая... Если бы ты знала, Лидочка, как нас встречает местное население, удравшее от немцев или прятавшееся от них в лесах, в землянках. Кланяются, лица сияют: «Наконец-то мы можем свободно ходить», — говорят они. Позавчера я купался в реке близ нашей огневой. Встретил ребятишек. Если бы ты их видела! Исхудавшие, в рванье. Вышли из землянки, где прятались от немцев. Многие угнали. Угоняют они, прибегая ко всем хитростям. У них хватает тупости пугать жителей тем, что красноармейцы будут их бить...

...Я не согласен с твоими настроениями... Я говорю о настроениях пессимистических, когда тебе «кажется, что жить вообще уже не стоит». Ерунда! Войне будет конец. Будем строить хорошую жизнь. Большая сила, Лидочка, в оптимиз-

ме. Война была бы душевным адом, если бы не убеждение, что тебя не убьют. А так — ничего. Рядом рвутся мины или свистят пули, а ты уверен, что тебя они не поразят. <...>

28.08.43 года

Лидочка! Друг мой чудесный! Здравствуй!

Какое у тебя сейчас настроение? А у меня — весьма неопределенное. Все время наступали. Сейчас передышка. На огневой позиции работа спокойная и мне успела надоесть. Правда, залетают к нам снаряды и мины, но довольно редко.

Но нет, я не раб судьбы! Буду лучше руководить ею. Не правда ли, Лидочка, что лучше умереть в борьбе, как сокол, чем жить в спокойном иле, как уж?

Управленцам веселее. Они находятся с пехотой в непосредственной близости к противнику. С работой этой я знаком и теоретически (из училища), и практически. Ведь когда у нас убило командира батареи и ранило командира взвода управления, я некоторое время работал за обоих.

Вчера подал рапорт с просьбой перевести меня с должности командира огневого взвода на должность командира взвода управления.

...Как хотел бы я, Лидочка, увидеть тебя, обнять, расцеловать, а затем бесконечно с тобой разговаривать обо всем так, как я ни с кем не беседую, а только с тобой. <...>

Вот застучали минометы. Перелет. Ерунда. На свете два раза не умирать. Ничто нас не может вышибить из седла. А если судьба злодейка и вышибет, то я доволен, что очень хорошо жил, многое пережил, и ты, Лидочка, и все другие мои друзья и знакомые не скажут: «Он не выполнил своего долга перед Родиной, перед родными, друзьями, перед Одессой». В лицевого счет моих орудий уже запи-

сан не один уничтоженный фриц. На цели, которые требуют расхода 140 снарядов, мы тратим 20—30 снарядов. Уже несколько моих бойцов представлены к правительственной награде.

...Твое молчание — это преступление перед Родиной, перед комсомолом. Ведь отсутствие твоих писем влияет на моральное состояние русского офицера. Учти это!..

2.09.43 года

...Чувства переполняют душу, мысли переполняют голову, а на бумаге — скучные фразы. Ведь дружба — это великая вещь, поддерживающая человека везде и во всех условиях. Я думаю, что мы с тобой сможем в дальнейшем быть хорошими друзьями.

...Только одно омрачает душу. Где мои родные, что с ними? Очень боюсь, что не успели выехать из Одессы. Тогда их не ждет ничего хорошего.

(Я пишу беспорядочно, но я фиксирую свои чувства. Не хочу, чтобы были трафаретные слова, но чувства не трафаретные.)

Лидочка! Все потерпевшие от немцев будут отомщены. Я лично приложу для этого все усилия. ...Я задумал одно дело и надеюсь претворить свою мысль в жизнь. Я попросил достать мне снайперскую винтовку и надеюсь с ней открыть свой личный счет мести. Мне приходилось быть на передовой, и там мне больше нравится. Там больше огня и ярче чувствуется опасность. Не смейся, это не глупости и не бравада. Но слишком уж беспокоило у меня на душе.

...Лидочка, представляешь, какую для меня радость составило письмо от матери Гуньки. Гунька жив! Ура!!! И мы быстро наладим с ним связь...

До побачения. Целую. *Фима*

15.09. 43 года. Фронт.

Добрый день! Вот и я! Жив курилка!

...Вот тебе и на! Значит, ты никого и никогда не спрашиваешь, когда тебе нужно (!?) целоваться. (Помоему, целоваться не бывает «нужно» — это слово не подходит, а целуются, когда хотят). И меня ты тоже целуешь «крепко», не спрашивая никого? Для меня это новость,

А я думал, что по этому поводу устраивается семейный совет, и вопрос, сколько мне отпустить поцелуев, ставится на голосование. Твое письмо меня развеселило. Я смеялся от души. Я ничуть не обиделся на «обжору» — честное слово. Кстати, ты пишешь, что не сахарная, иначе я сожрал бы тебя еще в детстве. Чудная моя Лидочка, ты хоть и не сахарная, но берегись! Вот приеду, слопаю обещанный тобою торт и сожру тебя тоже. Не веришь? Я способен на это. Ведь это будет такая встреча, где радости — черт знает сколько.

Ах, Лидочка, как хотел бы я тебя повидать. А ты нет? Наверное, нет.

Фимино письмо вызвало у меня лирическое настроение и наплыв чудесных воспоминаний. <...> Фима приводит мне на память отрывок из «Сирано». Вот он:

Шутить всегда, смеяться вечно,
Острот побольше, больше перца,
Чтоб смерть в бою была легка,
Чтоб острое входило в сердце
И острое сходило с языка.

Какие хорошие строки, не правда ли?..

15.09.43 года

...Все время мы в действии. Бои идут жаркие, и фрица гоним на запад. ...Даже такой безобидный самолет, как У-2 («рус-фанер»), наводит на них ужас. Один их пленный офицер заявил: «Вы мне покажите, что

это у вас за такая машина: подлетит ночью на передовую, посмотрит, сбросит бомбы, постоит, посмотрит на результат — и улетит». А это просто наш У-2, но зато на нем сидят наши славные летчики.

Пиши мне почаще, не жди моих писем.

Крепко тебя целую ∞ число раз.

Фима

23.10.43 года

...Тов. студентка, расскажи мне о своих подругах, с которыми ты занимаешься уборкой, а потом едешь в театр на аристократические места. Безобразие! Как вы смеете нарушать студенческие традиции и переходить с галерки в партер?!

...Ты, кажется, знаешь о моей Хотьковской знакомой — учительнице. Я ей рассказывал о своем друге Лиде. Так вот, эта моя знакомая спрашивает, действительно ли я с тобой дружу. Ей кажется, что между нами не дружба, а любовь. Что ты на это скажешь? Однако между нами сейчас действительно что-то вроде любви. Ведь мы с тобой не деремся, не ругаемся, не ехидничаем, а мирно воркуем. Щось тут не то. Но уверен, что любовь прекратится в первый же день нашей встречи. Я тебя отколочу и за короткие письма, и за твое молчание... и т.д. и т. п.

...Я жив. Не веришь? Ей-богу. Здоров, как трактор. Мы пока еще на отдыхе. Надоедает отдых порядком. Всякие комиссии и т.п. Фронт в тысячу раз лучше...

29.10.43 года. Вперед на Запад!

Внеочередное. Вместо телеграммы!

Поздравляю Великим Праздником нашей страны тчк Следующий, 27-й год существования нашего Союза, будет уже свободным.

Через пару дней я снова буду на фронте личным участием прибли-

жать День Победы. 7 ноября я, Лидочка, подниму нашу фронтовую стограммовую чарочку за скорую победу, за встречу в Одессе всех наших близких и друзей. А ты тоже подними не один тост за все, за всех. И один бокал — за меня. Не поминай меня лихом. Забудь мои грехи и вспоминай только хорошее (может, выцарапаешь в своей памяти что-нибудь хорошее обо мне).

Жизнь будет наша! Мы хозяева жизни!

По случаю праздника отпускаю тебе тройное количество поцелуев. Горячий привет родным и Мартышке. Передай им поцелуй, но не из числа предназначенных тебе.

13.11.43 года

... Лидочка, ты волнуешься при отсутствии моих писем. Но ... из-за таких пустяков волноваться не стоит. Я высчитал, что по теории вероятности меня не должны убить. О шальном осколке или пуле я не говорю, мало ли чего не бывает на свете. <...> А погибнуть можно везде и в любое время. Сидишь спокойно на 3-м или 4-м этаже, не думая о смерти, проходит красивая особа. В этот момент забываешь о своем высоком положении, выглядывая из окна, стремишься за особой, но, о ужас, следует прыжок без парашюта! У нас все эти опасности отсутствуют. Нет ни кирпичей, ни трамваев, ни красивых девушек.

... Ты беспокоишься, не устал ли я. Право слово, меньше, чем ты. Я себя чувствую превосходно. Сажу в землянке. В печурке потрескивают дрова. Только что запустили в немецкую батарею 4 снаряда. Она молчит. Расчеты возятся у орудия.

Несомненно, значительно лучше я чувствовал бы себя, прекрасная синьорита, вблизи Вас. Но не сейчас, дорогая. Я сейчас ни за что не поехал бы в тыл. Сейчас наше мес-

то здесь. <...> (Ах, какой сейчас замечательный аккомпанемент. Фриц садит во всю мочь из крупных орудий — «Коровы» и Ванюши», — значит, скоро отойдет, у него на этом месте предсмертные судороги.)

... Я ведь не забуду о своей просьбе. Теперь ты в большом городе и сможешь легко достать книгу «Сирано де Бержерак». И сможешь время от времени выписывать оттуда кое-что и посылать мне. Кроме того, и сама, и твои девочки получат большое удовольствие...

22.11. 43 года

... Слушай фронтовую песню «В землянке»:

...Пой, гармоника, вьюге назло,
Заплутавшее счастье зови,
Мне в холодной землянке тепло
От твоей негасимой любви.

Как нравятся тебе слова? Ничего, правда? И мотив хороший, но познакомлю с ним лично, если не узнаешь раньше. Ты решишься выслушать песню в моем исполнении? Смотри, крепись, Фридочка не решилась бы. Правда, голос у меня теперь поправился, как и я сам. Если мотив узнаешь, пусть Марта сыграет, а ты споешь. За эту песню прошу послать ответную про Одессу. «Ведь одессит не унывает никогда» — что-то в этом роде...

29.11.43 года

Горячий привет тебе и поцелуй! Надеюсь, что успею написать письмо полностью, а то времени почти нет. Дела, в общем, неплохие, движемся вперед, довольно быстро. Продвинулись от р. Сож до Днепра.

1.12.43 года

Все-таки меня прервали. Потом снова движение. А теперь я в лесу. Уже третью ночь не могу выспать-

ся. Днем тоже не поспишь. Прохлада дает себя чувствовать. А сегодня только первый день зимы по календарю. Да, это не Одесса и не дом родной. Но нам не привыкать. Я вспоминаю Урал, и мне у костра становится холодно.

... Благодарю тебя за заочное знакомство с девушками. Чувствую себя в их обществе прекрасно и надеюсь завладеть кое-каким вниманием. У кого? Будет видно. Очень мало пишете Вы, сударыня, об интересующей меня Лидии Ивановне. Она — «интересная /?!/ чудачка, но дело, видите ли, в том...» В чем? Не понимаю, в чем дело, что о нем нельзя распространяться. Объясните, пожалуйста.

5.12. 44 года

Здравствуй, милая Лидочка!

Тебе несколько нарядов вне очереди. Во-первых, потому что пишешь реже одного раза в неделю. А во-вторых, ускользнула из моего поля зрения и стала делать грамматические ошибки. <...>

Впрочем, все эти грамматические ошибки — ерунда. Жизненные — значительно важнее. Разве смерть хорошего человека — не величайшая глупость и ошибка? На войне самое дорогое становится самым незначительным. Лучшие надежды разбиваются о действительность. Но человек сильнее всего. Может, время — и лучшее лекарство, как пишет Фима. Но нет, я с этим не согласен. Время не изживает ни горечь (я говорю не вообще, а в частности о себе), ни чувство дружбы, теплых отношений, привязанности.

Конечно, не трудно забыть о войне в тылу, где горит электричество, где не слышен вой снарядов и мин, не видны потери, а родные — рядом.

Но когда бы Фима увидел, что делается здесь, на вчера освобо-

жденной земле, увидел кирпич и золу вместо домов, увидел детей, вышедших из леса, он не забыл бы о войне.

Когда я был в Свердловске, я чувствовал, что как бы погрязну в тине, из которой трудно вырваться... Вот Фима М. и погряз в этой тине.

Я тебе, Лидочка, скажу: такой образ действия не по мне, но Фиму уж очень я не осуждаю. Кому-нибудь надо и в тылу быть. Пусть и будет там Фима. А мы отвоюемся и приедем. А не приедем, то лихом поминать не будете. <...>

Девушкам вашим передай привет. Хочу познакомиться с ними поближе. Может, кто-нибудь мною заинтересуется в вашей комнате. А я немного привру о себе.

Лидка, пиши чаще!

Крепко тебя целую много раз.

Фима

22.12.43 года

Добрый вечер, Лидочка! Решил нанести тебе короткий визит. Правда, сейчас несколько поздно, но ведь мне разрешено навещать в любые часы, правда? У нас сейчас все спят. На дворе темно. А мне спать не хочется, а хочется знать, что делает Лидия Ивановна... Может, она сидит у лампы с голубым абажуром и готовит сопромат или ненавистный немецкий язык? А может, пошла по линии наименьшего сопротивления и предпочла театр сопромату? Отсюда не видно, чем Л.И. занимается, а то, возможно, мне пришлось бы заняться чтением морали. Но не стоит. Надо совмещать приятное с полезным.

Сегодня еще 1943 год, а ты прочитаешь письмо уже в 1944-м. Как встречала ты, Лидочка, Новый год? Весело? Год должен быть хорошим для всех и в частности для Лидочки. Поэтому его и нужно встречать весело. А сколько ты выпила вина?

А про меня не вспомнила, вот безобразие! «А Фима все-таки нахал!» Это звучит, как «а Земля все-таки вертится!». Во всяком случае — такая же истина. Вот черт, думаешь ты, никак не дает покоя, все беспокоит своими письмами.

Да, Лидка, я нахал и таким остаюсь.

...Я ухожу, а то ворота закроют. Ведь мне один раз уже пришлось из-за этого лезть через забор.

Всего наилучшего. Крепко целую.

Фима

16.12.43. года. Фронт.

...Вечер. На дворе темно. В землянке расположен расчет. Кто лежит, кто сидит. В глубине у печки и копилки сидит знакомый тебе одессит. Забрался с ногами на нары и ноги спрятал под шинель. Так дома, бывало, сидишь на диване. Он читает вслух пьесу испанского драматурга «Спесь на спесь». Все с интересом слушают. Рядом, метрах в ста, а то и ближе, рвутся снаряды. Осколки жужжат над землянкой, но это никого не отвлекает: давно привыкли. Опасности нет не только от осколка, но и от прямого попадания. Над головами у нас тройной накат: брезент, солома и сено. Никакой снаряд не прошибет.

Но я отвлекся от пьесы. Она похожа на «Укрощение строптивой» Шекспира. А читал ли я «Укрощение», не помню.

Своих товарищей-офицеров почти не вижу, так как находимся в разных местах. Так что знакомства придется отложить до лучших времен. Но вот я их увижу и — уверен — по адресу какой-нибудь вашей девушки придет письмо. Что же касается меня лично, то я благодарю девчат за привет, но мне достаточно знакомой Л.З. И за это знакомство и за эту знакомую я отдам 20 других.

Лидочка, ты заинтересовалась блондином-футболистом и мечтателем с беспокойной душой. Ты пишешь: «А спроси его, не помечтает ли он обо мне для начала, хоть немножко, а может быть, и напишет».

Если бы ты знала, кто этот парень, то не интересовалась бы им! Этот парень — я. Вероятно, я так разрисовал его и приписал ему ряд таких положительных качеств, что ты в нем не узнала меня! Но он, то есть я, без твоего согласия очень даже интересуется тобой, твоей жизнью и мечтает увидеть тебя...

14.01. 44 года

...Скоро солнечное лето, скоро сбудутся мечты, и тогда в Одессе где-то повстречаюсь я и ты.

Это время у меня перед глазами.

Но все-таки подумаешь иногда, что тебе не 16, 18, 20, 22 года, и становится грустно. Этих лет больше не будет... Но ничего, впереди еще многие годы, и мы устроим так, чтобы они были лучше прошедших. Никогда не будем жалеть, что такой-то год прошел даром, правда, Лидочка? В нашей это власти? Почти. Хотя и не на все сто процентов...

Все наши мысли и действия направлены к одному — скорейшему окончанию кошмара войны. К скорейшей встрече со своими близкими, родными и друзьями. Но в отношении родных я очень сомневаюсь. Вероятно, мама, Аничка и тети не выехали из Одессы, т.к. из Бугуруслана я получаю одно только «нет». А насчет жизни на оккупированной территории... я знаю, что это такое. Видел. Насчет папаши никаких новостей. Запрашиваю часто насчет Фридошки и Иоси К. — тоже ничего утешительного...

23.01.44 года

Десять дней с твоего последнего письма. Срок довольно изрядный. Ох, жестокая! Вредная, как всегда!

А мне захотелось к тебе в гости. Правда, визит продолжительным не будет, времени очень мало. Несколько дней не мог писать из-за новоселья. И сейчас снова предвидится новоселье. А это связано, как и в мирных условиях, с рядом забот. У нас все обстоит скромнее, но не менее хлопотливо. Надо вырыть землянки, окопы для орудий, траншеи...

Ко всему привыкаешь. И мы теперь научились жить культурно. Хотя иногда и приходится стоять на месте только несколько дней, но делаем удобные землянки с окнами и со стеклом. Так что сейчас сижу на нарах у окошка. У нас спокойно. Левее целый день грохот.

Много времени идет на общественную работу комсорга батареи, агитатора, молодого кандидата ВКП/б/.

...Мне захотелось зайти к тебе в гости, да не знаю, застану ли дома. Может, ты в Матвеевке была это время, что долго не писала? Или занята учебой? Во всяком случае учти, что твоих писем с нетерпением ждет передающий горячий привет и крепко целующий тебя

Фима

4.02.44 года

...Снова подал рапорт о переводе меня в управление. Тогда веселее будет! Может, удовлетворят просьбу и перейду на НП (наблюдательный пункт). Там хоть пули летают.

....Сейчас около 12 ночи. Скоро будут передавать по телефону последние известия. Надо их записать и сейчас же передать расчетам по землянкам. Мы с нетерпением ждем эту минуту. Я пишу, а левой рукой держу у уха телефонную трубку. Где-то на ОП или НП играет гармошка, и у нескольких телефонов подпевают. Кому живется весело, вольготно на Руси? Конечно, солдату. Везде — его дом. Никаких забот. На работу не опаздываешь. Красота! ...Писал ли я тебе:

Навстречу разных неудач
Борись с судьбой во что б ни стало,
Не падай духом и не плачь.
В унынье, друг мой, толку мало.

Верно ведь, а? А где обещанный «Сирано»?

5.02.44 года. Фронт.

...Только что получил письмо от дяди, в котором он посылает мне письмо моего папаши от 7.01.42 года. Папа был мобилизован 22 августа, а 15 октября выехал из Одессы (а немцы вошли, кажется, 17 октября). Так что он вышел одним из последних. Письмо короткое, полное отчаяния. Не знает ничего о судьбе мамы, Анички, тети Поли, Клары, Сони с Марочкой, которые там остались. Ничего не знает обо мне. Знаешь, как тяжело было читать это письмо!

Ты пишешь: «У меня нет никакого интереса к жизни, и я не стараюсь его приобрести». Какая чепуха! Лидочка, я очень люблю жизнь, ведь она же прекрасна, несмотря на все трудности, но надо заслужить жить. Я говорю о себе. Сейчас одна цель передо мной — получше отомстить немцам за своих родных, за твои слова «нет никакого интереса к жизни» (разве до войны ты их произнесла б?), за все, за все. Нельзя спокойно жить, не отомстив подлецам, когда видишь, что они наделали на нашей земле, когда прочитаешь такое письмо отца. Надо самому, лично мстить.

Лидочка, я клянусь, что пока имею возможность, буду выполнять свой долг. Клянусь перед самим собой, а ты будь свидетелем... Я не боюсь смерти, но ни искать ее, ни прятаться от нее не буду.

Пишу бессвязно, но ты меня поймешь, как понимала всегда, как понимаю я тебя. Другого такого письма я не напишу.

...Больно, ужасно больно, что мама и Аничка могли выехать и не вы-

ехали. Ведь мамаша пережила оккупацию немцами в 1919 году и тогдашние погромы, она знала, что предвидится при входе фашистов. И все же она не выехала, не оставила своих сестер! Это ужасно нелогично, но это сделано правильно. Я бы презирал своего сына или дочь, если бы они сделали не так.

Лучше умереть рядом с товарищем, истратив на себя последний патрон, чем оставить раненного товарища, а самому убежать.

Я не знаю, сколько я сегодня пережил. У меня сейчас слезы на глазах. Я не ребенок, но не могу их сдерживать. Эти слезы видишь только ты, Лидочка, и пусть больше никто о них не знает.

Папа пишет, что ни один мой дядя, ни другой не нашли нужным помочь четверем женщинам и ребенку выехать из Одессы. Хотя я и порицаю их поступок, но, как говорится, пусть Бог (хоть его и нет) простит этот грех. Не все люди одинаковы. У них были и свои семьи, а своя шкура ближе к телу.

Сейчас я переписываюсь с дядей Мишей. Он эвакуировался с семьей в Ташкент. Ему живется далеко не весело. Я послал ему 1000 р. и буду посылать время от времени деньги. Так я отплачиваю за папу. А иначе я не могу.

У меня, кажется, будут изменения в работе. Буду там, где и добивался — на передовой. Там больше жизни, хоть и больше смерти.

До свидания (эх, скорей бы!) в Одессе.

Целую крепко. *Фима*

12.02.44 года

...Удовлетворили мой рапорт и перевели командиром взвода управления. А здесь больше хлопот: и связь, и разведка. Работа интересная, веселая, и я доволен. Теперь фриц от нас на расстоянии примерно 800 метров. Справа метрах в ста — Днепр великий.

23.02.44 года. Фронт.

Здравствуй, дорогая Лидочка! Сегодня праздник — день Красной Армии. И завтра для меня праздник — 24 года стукнет. Но отпраздновать придется в другой раз.

Чертовски хочу спать. Сейчас 12 ночи. Уже несколько ночей не спал. Но тем не менее настроение превосходное. Работы много, и работа живая. Но поверь, твое молчание не благоприятствует повышению настроения. Мой комбат уверяет, что не получу от тебя писем. Мне не верится.

Лидочка, милая, выше нос, выше голову. Победа идет к нам (или мы к ней) быстрыми шагами. Идет с севера и с юга. Жаль, мы не увидимся 29 марта, в день твоего рождения. Но впереди много праздничных дней, много будничных дней, которые покажутся праздником по сравнению с этими днями.

Пока мне везет. Осколки и т.п. обходят меня. Сегодня опять повезло: 75-миллиметровый снаряд разорвался в пяти метрах — и ничего. «Что наша жизнь? Игра. Сегодня ты, а завтра я». Но пока мы живем, мы веселы и не думаем ни о чем плохом. Сегодня по случаю праздника побрились особенно тщательно. Побрызгались одеколоном, помазали лицо пахучим каким-то трофейным кремом. Вот бы пойти на свидание! Да идти далеко. И некогда — работы много.

Дорогая Лидочка, пиши письмо, да скорей. Желаю тебе счастья.

Целую крепко. *Фима*

9.03.44 года. Фронт

Сегодня для меня праздник, большой праздник. Я получил твое письмо. Ты не поверишь, как велика моя радость. Может, изменилась ты, но не изменился я. Может, я стал для тебя не таким близким, но ты для меня не менее дорога. Ты не знаешь, что для меня стоило твое молчание (1 месяц и 5 дней). Я не знал, что думать. И

теперь еще не знаю. Скажи прямо: считаешь ты меня таким же другом, как и прежде, или нет? Так часто хотелось поделиться с тобою, но меня смущало твоё молчание...

Я тебя благодарю за твоё внимание ко мне и празднование дня моего рождения. Я его отмечал совсем в иных условиях и не совсем был уверен, что эта дата не станет двойной: днем рождения и днем смерти. Я со своими разведчиками был в пехоте. Надо было выбить немца с опушки леса. Фриц чертовски огрызался и разворотил все снарядами. Но он был отогнан. Мы продвинулись вперед. В этот день был убит находившийся недалеко от меня мой приятель — комбат Дзаипаев. Хороший был парень. Ну, да об этом не стоит писать. Подобные эпизоды можно прочитать в гораздо лучшем изложении в литературе.

Вот так проходит время. Я доволен. Находишься в самой кипени войны. Фриц, сволочь, огрызается. Вчера он бросал на нас свою авиацию 7 раз. Он чует свою гибель. И она скоро придет. Что делается на Украине! Прямо замечательно! Эх, и колечко ему угрожает.

...Сегодня по случаю твоего письма мы с комбатом заключали договор: не пьем свои «фронтовые стограммовые» до 29-го. А 29-го поднимем бокалы (кружки, точнее) за здоровье и счастье моего лучшего друга — Лидочки. И ударим салют батареей. Конечно, не в воздух, а по немцам. <...>

Дорогая Лидочка, пиши почаще. Твои письма дороже для меня всякого подарка.

Я буду, конечно, жив и здоров. Все-го наилучшего. Крепко, крепко целую.

Все тот же

Фима

19.05. 44 года. Фронт.

Здравствуйте, Лида!

Сегодня получил письмо от Вас на мое имя, на которое спешу дать ответ. Ваш друг, Гройсер Ефим Абрамович, ранен в правую ногу под городом Жлобин и эвакуирован в тыл-госпиталь... Когда его ранило, он как друга просил меня написать Вам — я написал, но не знаю, что мне вздумалось послать это письмо в с. Матвеевка. Как получу от него адрес или какое-нибудь известие, сообщу дополнительно.

С искренним к Вам приветом
командир батареи капитан
Нетрусов

* * *

3.03.1997 года

Уважаемая Лидия Ивановна!

Новомарковичский сельский Совет ставит Вас в известность о том, что старший лейтенант, командир взвода 40-го стрелкового полка Гройсер Ефим Абрамович действительно умер от ран 24.03.1944 года. Был похоронен с отдаением воинских почестей в д. Жирховка Новомарковичского сельского Совета, после перехоронен в братскую могилу д. Новомарковичи Новомарковичского сельского Совета Жлобинского района Гомельской области.

Секретарь исполкома
Новомарковичского
сельского Совета *А.С. Антипенко*

*К печати подготовила
В. И. ФИННОВА*